

ЕВА ФИНОВА

ОЛАДУШКИ ОТ ЛАДУШКИ

Ева Финова

Оладушки от Ладушки

«Автор»

2026

Финова Е.

Оладушки от Ладушки / Е. Финова — «Автор», 2026

Как известно, путь к сердцу мужчины лежит через желудок. А к его почкам — через напитки. Пользуясь этим правилом, я открыла трактир, и теперь самые видные мужики со всей округи ходят ко мне попить квасу! Оладушки, кстати, тоже хороши. Что? Говорите, жалоба поступила? Князю? Едет проверяющий? Ну, держитесь! Видимо, придётся вспомнить, что в моём роду водились ведьмы...В книге:- любовные приключения, быт и юмор,- славянское и классическое фэнтези,- неунывающая героиня (не попаданка),- милый сказочный авторский мир,- кикиморы, домовые, эльфы и много кто ещё заглянут на огонёк.ХЭ, однотожник.

© Финова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фитюлька	5
Глава 2. У всех	9
Глава 3. Финт или фортель?	13
Глава 4 Кут-куа!	16
Глава 5. Не к добру	21
Глава 6. Ну-ка брысь!	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ева Финова

Оладушки от Ладушки

Глава 1. Фитюлька

Мельхиора

– Из любой ситуации есть как минимум три выхода, – философски изрёк домовой, аккурат после тяжелого трудового дня.

Моего трудового дня.

Пятеро маленьких да удаленьких бездельников продолжали изображать бурную, но совершенно бесполезную деятельность. Охотно чесали языками и время от времени лениво перемещались по комнате. Главное – под ногами не путались.

– Вперёд-назад? – сказав так, Лизун заинтригованно вытащил большой слюнявый язык и выжидательно уставился на домового. Его шарообразное склизкое тельце задрожало, как железная башенка под действием ветерка.

– Выход и вход, – поумничала кикимора, с хитрецей поглядывая в мою сторону.

Я с улыбкой протираю столы и пока не вмешивалась в их «миленькое» общение, которое обычно могло перерасти в самое настоящее поле для сражения. А мне за ними потом ещё убирать: лужи на полу вытирать, рушники штопать и мебель чинить.

– А третий тогда какой? – уточнил у него банник, лениво переворачиваясь с боку на бок. Заняв выгодную позицию у мусорного ведра возле печки, он был сейчас, можно сказать, во всеоружии, если вдруг начнётся очередная ссора.

Покраснев от важности, домовой раскрыл было рот, чтобы сказать наверняка очередную пошлую шуточку, но я его перебила.

– А третий придётся искать. И прямо сейчас! – Грозно приподняла брови и подбоченилась. – Ну-ка, живо по местам и спать, а то заставлю убраться до поздней ночи.

– Ой-ой, – хихикнула кикимора – домашний дух, маленькая, вредная и лишь временами полезная. Подхватив в руки валяющийся на полу кусок засохшего ломтя хлеба, она стала испытывать моё терпение. – Помочь – это мы всегда...

Демонстративно раскрошив кусок на несколько небольших метательных снарядов, она первым делом кинула хлебом в банника со словами:

– Ты чего это у ведра расположился? Замышляешь пакость, да?

– Эй! – возмутился тот.

К счастью, кикимора промахнулась. Но это пока... Ведь следом за первым был готов отправиться новый кусок хлеба, к тому же осыпаясь крошками на пути к цели.

– Ну-ка цыц! – прикрикнула на них я и тотчас подняла вверх светящийся магией палец. Хотела приструнить эту мелочь пузатую одну и другого, пока не влезли остальные, как вдруг громкий стук в дверь заставил всю нашу «дружную» компанию вздрогнуть. Бухнули раза три с такой силой – аж дверь затряслась. Бабушкин трактир, как будто бы вместе с нами, за компанию.

Первым очухался домовой. Юркнув кабанчиком к окну, он взлетел вверх, к узенькому бревенчатому подоконнику, буквально по воздуху, и выглянул в темень кромешную.

– И кого это принесла нелёгкая? – лениво уточнил банник, не меняя положения. Зевнув, он, в отличие от остальных, нервничать и не собирался.

– Дружинник это, Всеволод Ростиславович, – послышалось зычное с улицы. – Мельхиора Ладовна, голубушка, открой дверцу, не обижу.

– А...

– Видать, по нраву ему наша девка-то пришлась, – хихикнула кикимора.

– Знамо как, – поддакнул домовой, оборачиваясь к остальным любителям посплетничать, – вчера весь вечер с неё глаз не сводил.

Полудница по имени Ефросинья, которую мы звали не иначе как баба Фрося, хмыкнула, открыв один глаз. До этого она дремала, сидя на печи, и не участвовала в перебранке, но вдруг решила вмешаться:

– Зачесалось, видать, на ночь глядя.

– Я сейчас! – оторопело ответила я, укоризненно глядя на «помощников» по хозяйству. Оставила мне бабуленька целый отряд самых настоящих вредителей в довесок к наследству. Где бы взять терпения и сил, чтобы не разогнать всю эту братию.

– Фитюльку бы ему завязать, чтобы не чесалось, – хмыкнул банник.

– А оно и видно, что ты в этих делах мастак, – полевой зевнул, укутываясь по сильнее половиком. Он лежал рядом с дверью, ведущей в подсобные помещения.

– Эй! Хандра зелёная, лежи себе и не вякай, – возмутился банник. Ленца вмиг улетучилась, а щёки его покраснели от возмущения.

– Вот так свезло, нечего сказать.

Вздыхнув, я отложила тряпку и пошла открывать дверь. На ночь в небольшом трактире холоуи, как звали слуг, не оставались, помещений для съёма было всего два в вернем ярусе, основной зал и полуподвальные помещения тоже приходилось драить почти каждый день. И это на самом деле сильно выматывало всех и даже меня.

Открыла дверь и с удовольствием вдохнула ночной воздух, вошедший в небольшие сени вместе с дружинником. Умытый, причёсанный, в чистой подпоясанной косоворотке и нарядном кафтане, он был мужественно красив и сильно смущён. Настоящий силач сконфужено опустил взгляд на свои сапоги кожаные, не абы какие, начищенные до блеска.

Намерения его были видны как на ладони. В ответ я растерянно взирала на незваного гостя, не решаясь пустить его в дом в такой час.

– Ну, здравствуй, хозяйюшка. – Володя потоптался на месте, прежде чем добавить: – Дело у меня к тебе, личного характера.

Уши его заалели, видать, баба Фрося угадала. Вот уж мистика какая. Откуда она узнала? Поэтому-то я не спешила соглашаться, а тянула время, соображая, как бы отказать.

Нет, мужик-то он видный. Вот только репутация, таким трудом заработанная, мне дороже, чем дела сердечные и не очень.

– Не знаю даже, удобно ли... – Я огладила передник, надетый поверх простого прямого сарафана. И ни тебе колец, украшений, лент и бус. Бабулины подарки лежали в шкапулке где-то в недрах шкафа, под рубахами. Волосы буйные заплела, уже хорошо.

– Я же не за себя хлопочу. – Последующие слова дружинника подействовали, как купание в проруби в крещенские морозы. – Боязно мне за тебя, Хиронька. Донос на тебя князю поступил. Слышал я слова нехорошие.

– Донос? – оторопело повторила я.

– Пустишь? – спросил Всеволод, многозначительно оборачиваясь назад, будто выглядывал кого. – Не прилюдно будет сказано.

Как раз в этот самый миг мимо моего трактира исключительно случайно, мимоходом по утопанной тропке к лесу проходило сразу троица из числа местных сплетников нашей дружной общины в Заречной Круговерти.

– Уговорил, – уступила ему дорогу, приглашая внутрь, – проходи, располагайся. – И нарочито громко добавила: – Проголодался? Могу квасу принести и оладушков!

– Благодарствую, хозяйюшка, – угрюмо подыграл мне дружинник.

Закрыв за нами дверь, он прошёл к столу и сел на лавку. Я многозначительно посмотрела на пустой зал и прищёлкнула языком, требуя у маленьких жителей моего трактира не влезать в разговор.

В ответ хлебная крошка якобы случайно продвинулась по полу чуть в сторону. Кикимора в своём амплуа. Будет делать что хочет. Остальные вроде бы возражений не выказали.

– А что, постояльцев нету у тебя?

– Сегодня день такой, безлюдный, – проворчала я, направляясь в соседнюю комнату. На самом деле я прекрасно понимаю, почему мой трактир многие обходят стороной. Слухи ходят каверзные. Мало кому понравится, если во время купания у него стащат одежду, или нагретая вода в тазу для умывания вмиг похолодеет. Где-то год назад, одного невезучего кикимора нарочно уронила, разлив касторовое масло на полу. Хорошо ещё, почти не пострадал. Отделался ушибом и лёгким испугом. Домовой тоже неплохо озорничал, пользуясь тем, что из всех в нашей Круговерти могу его видеть только я. И то, когда он сам этого пожелает.

– Стой! – удивил меня дружинник.

Бум!

Мой лоб встретился с очередной неожиданностью. Сковорода выглянула из-за дверного проёма, и я в неё влетела.

– Уй, ё... – Я потёрла шишку и, фырча, вдохнула и выдохнула воздуха. – Ну, попадитесь мне.

Хорошо ещё, нос цел. Это они мне за угрозу, что ли, отомстили? Вот же проказы вредные.

– Мистика...

– Всеволод. – Обернувшись, я сощурилась. Охотно привалившись к дверному косяку, решила дознаться правды и отправить его восвояси поскорее. – Чего пришёл? Какой донос?

– Квасу бы, горло промочить, – попросил он, – иначе разговор долгий нам предстоит.

Вздыхнув, на этот раз я осторожно крутнулась на месте и скрылась в кухне, внимательно выглядывая очередную пакость от кикиморы или домового. Почему эти двое решили мне отомстить? Подумаешь, спать укладывала.

Хорошо ещё, оставшаяся троица почти не вмешивались в наши разборки. Зато между собой буяннить – это они мастаки.

– Да говори уже. – Я открыла крышку дубовой бочки и зачерпнула квас в плошку. – Наверху и внизу никого. Холуи тоже уже по домам.

– Что ж, – согласился дружинник начать разговор по существу. – Прибыл в золотую палату рыжий бородач с челобитной, кланяется и говорит, мол, не гневайся, княже, и на коленях ползёт, чтобы бумагу передать.

– А я тут при чём? – Подхватила тарелку с остатками недавней трапезы, присыпала пять оставшихся оладушков пудрой и направилась назад.

– В том-то и оно. Посыльный... – Дружинник посмотрел на меня внимательно.

– Ну?

– Что? – удивился Всеволод.

– Посыльный, ну?

– Ах да.

Встав, он подошёл ко мне и охотно перехватил тарелку и кружку.

– Больно вкусные они у тебя, – ответил, почти не шамкая, – жаль только, порция маловата.

– Сколько есть. А закваску я на завтра поставила, молоко ещё не скисло.

– Так вот. – Отхлебнув из кружки, дружинник сел на место. – Местные бояре денег князю задолжали и пеняют на тебя, мол, останавливались в трактире, а там мыши али крысы мешки погрызли, в которых они золото везли.

– Вот даже как? – Округлив глаза, я поискала взглядом, куда бы сесть, чтобы не упасть. – Нет, это ж надо быть такими наглými? А княже что? Не казнил их на месте за подобную ересь?

– Э, не, – отрицательно покивал дружинник. – Врать они мастаки. Вот и князь, видать, поверил. Хотя и наказал проверить трактир, а заодно поискать рассыпанное на пути в столицу золото.

– Так не у меня припрятано то бишь? А на дороге? – хмыкнула я. – Умно. Ничего не скажешь.

– Сумма там немаленькая, а наказание ещё больше.

– Голову с плеч?

– В кандалы закуют, и как князь решит, – пожал плечами Всеволод. – Потому и причался я к тебе на ночь глядя. Не обессудь, но ежели можно, я бы здесь остался.

– Э...

Достав из кармана несколько серебряных монет, он подкинул их в руке.

– Комнату оплачу.

– По рукам, – согласилась я. Мне как раз мешок муки скоро покупать. А тут четыре серебра.

– Если можно, я бы утром ещё поел оладушков и квасу бы выпил перед обратной-то дорогой.

– Согласна.

– И коня бы...

– Что коня?

– Напоить, – попросил дружинник.

– Да-да, разбужу конюха, – снова согласилась я, уже в мыслях рассчитывая, сколько всякого смогу купить на эти деньги.

– И...

– Что? – На этот раз голос мой прозвучал очень резко. Сама удивилась. Видать, устала очень.

– Ничего, – смутился мужик и уронил взгляд в кружку с квасом.

– Вот и ладушки.

– О-ладушки, – поправил меня тот. – Вкусные очень.

– Ага, уже слышала и не раз.

Я побрела обратно на кухню, где сбоку от кладовых и располагалась моя спальня. А что? Удобно, и сторожу, и отдыхаю. Мало ли что домашние духи учудить решат. А мне потом перед людьми краснеть и извиняться.

– Про коня забыла, – шепнула мне на ухо баба Фрося.

– Ох! Точно же!

Опомнившись, я пересекла зал и направилась в другую сторону. Конюшенный двор располагался слева от входа. Кухня – справа.

Глава 2. У всех

Тем временем в одном небольшом доме на окраине Заречной Круговерти на вечерницу собрались кумушки, известные на всю округу своими талантами. Устроились поудобнее в креслах и запаслись вкусным перекусом. Кто вышивал, а кто-то пряд, и обсуждали между делом всех и вся. Реже гадали на жениха, ежели хоть одна среди них красна девица незамужняя была. В этот вечер кумушки обошлись одними разговорами.

– Ой, хорош у тебя сбитень, – похвалила Любомира соседку свою и ближайшую подругу. Поправив выпавшую из-под платка седую прядь, она со вздохом посмотрела на корзинку с пяльцами и отодвинула её в сторону подальше. Видеть работу ей было уже нелегко.

– Квас у Хироньки повкуснее будет, – заметила Людмила, усаживаясь поближе к очагу. – И оладушки жарит – загляденье. Вот и ходят к ней за лакомствами, несмотря на слухи и рассказы.

– Кажи ещё, мы зря старались? – Брови на строгом лице Златояры многозначительно приподнялись. – Ну-ка, девоньки, как там в нашей песенке?

Отставив сбитень и отложив пряники, эти самые «девоньки» нестройными голосами затянули:

«У всех проблем одно решение —

Блюди своё предназначение.

Для всех обид одно забвенье,

Для счастья нужно вдохновенье».

А Людмила на опережение добавила:

– Скушай ложечку варенья.

– Сделай новые соленья, – с усмешкой подыграла Любомира.

– Нет, нет, дальше идут такие строчки, – недовольно перебила их Златояра. Набрав воздуха в грудь, она продолжила петь одна:

«Развилка, камень, две ноги,

Обуй-ка наши сапоги!

Семь забот, одно веленье,

Попробуй выбрать направление».

– Никогда не понимала, о чём поётся в этой песне, – заметила молодая светловласая Снежана, охотно возвращаясь к недоеденному прянику.

– Та о жизни молодой, – хихикнула Любомира, прикрывая рот платком. – Мне бы твои годы, я бы не по домам сидела, а по полям скакала в поисках моего молодца.

– Эт ты, конечно, зря, – недовольно скривилась Златояра. Встав, она перекинула тугую косу обратно за спину и неодобрительно воззрилась на всех присутствующих. – Кажите мне, девоньки, чего это вы в гости к ведьме зачастили? Мало ль у вас проблем домашних? Нечисть не лютует? Вещи не пропадают? Скот домашний не мрёт? Давно ль Сребрена нас покинула? Да дочурку свою оставила, чтобы следила за нами и жить не давала. А вы, квасу, оладушков, тьфу на вас! Зла не хватает.

– Да ладно тебе горячиться, – миролюбиво пропела Людмила. – Да какой вред, мор и падёж, тьфу-тьфу, обошел нашу Круговерть стороной, кажись, Хиронька предупреждала, чем поить животину, чтобы не захворали кони, коровы да куры.

– Эка ты, злая, добра не помнишь, – проворчала Любомира, самая старшая из кумушек. – А я всё смекаю да в шкатулочку собираю. Мамка-то её на ноги меня поставила, слегла я с немочью страшнучей, зенки свои продрать не могла, только лёжма день и ночь, ночь и день.

– Тем паче надобно проверить её дом, вдруг новая хворь оттуда источаемая. – Златояра многозначительно посмотрела на всех присутствующих.

Стряхнув крошки с подола юбки, Надежда вздохнула и тихонько произнесла:

– Жена нашего ростовщика, кажись, слегла с неведомой болезнью. Хожу я к ним убираться и готовить иногда, кабалу отрабатываю, а тут на порог, и Хатмир-мурза шикает и прочь гонит, про жену свою ворчит.

– Прочь? – удивилась Любомира. – Та разве это причина? Вдруг у них гости или ещё какие дела? Да таятся они от людей князя?

– Я ж не сразу ушла, а домик обогнула вдоль забора и к конюшенке шмыгнула, чтобы выведать у конюха ихнего правду как есть. Поглядь, а они уже того. Никого в смысле, ни лошадок, ни даже телеги. Пусто, одним словом.

– Так и хворь тута при чём? – махнула рукой Людмила. – Будет вам выдумывать. Потом случись такая оказия, ляпнуть в гостях мысль глупую, на смех подымут, так ещё и из дому попрут.

– Очень надобно по домам чужим ходить, – проворчала Златояра.

– Надобно, – не согласилась Снежана, – жениха искать мне уж точно.

– Тебе-то понятно, а нам куда? – усмехнулась жена мельника, Аглая. – Сколько себя помню, никого и нигде я не искала. Жила себе спокойно и бед никаких не знала, слухи не распускала. Слушала да смекала, и в разговоры мужские не встревала, пока дела большие делаются.

– И надобно оно тебе жить вот так? – возмутилась Златояра. – Это как же? Дела делаются, а мы сидим и ни о чём не ведаем?

– А коли узнаешь о чём так хочется? – усмехнулась Любомира. – Кушать пригостишь больше али меньше? Дом запустишь, про хозяйство забудешь? То ли дело семейные заботы и радости.

– Горести тоже.

– Сплюнь, – шикнули на Яру с трёх сторон. – Иначе беду накличешь.

– А я кажу вам, девоньки, – упиралась она. – Все беды от ведьм. Гнать их надобно и подальше из нашей Круговерти Заречной.

– Да коли уйдут они, на их место, можа, прибудет кто похлеще, чаво делать-то будешь в ентом случае? Трактирчик еёный жеж – чужоное имущество. Принадлежал он Ладушке, царство ей небесное. А как ушла она, внучка делами занялася. Всё, уймись, кажу тебе в последний раз.

– Мать её – гулёна та ещё, – продолжала Златояра. – С эльфом спуталася и прибыла к нам с во-от таким пузом.

– Тебе-то какое дело? Главное – не твоего мужа соблазнила, – хохотнула Людмила, прикрыв рот платком. – Живи себе и радуйся, а ты всё об одном твердишь и без умолку болтаешь о Мельхиоре. Попомните моё слово, беду накличет.

– Накличет, – покивали остальные.

А Златояра лишь сильнее обозлилась. Встала и корзинку на пол сбросила.

– Неужели не смекаете, я за вас стараюсь, а вы на её защиту встаёте. Где справедливость в этом мире, а?

– Далась тебе, больно, ведьма наша, – вздохнула Любомира. – Укусила тебя, что ли? Как оса ужалила?

– Можа, и укусила, откуда вам знать? – негодуя, ответила скандалистка. – Сын мой в еёнюю сторону поглядывает, да не хочу я и думать о женитьбе Ярослава с этой... этой... – Прослезившись, Златояра подхватила корзинку и вышла в кухню.

Напряжённое молчание воцарилось в комнате, и лишь задорные огоньки свеч продолжали плясать с тихим шипением.

– Вот и корень всех бед, – заключила Любомира, кивая в сторону занавесок на двери. – Обида затаённая. Её муж чуть было не женился на Сребрене. Да Златояре обещан был, обру-

чилились уже они к тому времени. Скандал был такой, я вам кажу, Круговерть ходуном ходила. Все ругались со всеми, доказывая то одно, то другое, то пятое – десятое. Пока вести о волнениях до князя не дошли нашего. Тот и принял решение заветное. Обещание пришлось сдерживать, вот только Яронька, видать, камень за пазухой притаила и ничего никому не простила.

– Так уехала жеж ведьма наша далеко и надолго, – проворчала Надежда, доедая пряник. – Та бывает иногда, к дочери прибудет на недельку-другую и опять в путешествия, годами не видать. Ох, завидую я ей. Если бы не кабала ростовая перед нашим мурзой, тоже бы отправилась.

– Да куда там, волки, звери, нечисть всякая, – проворчала Любомира. – То ли в нашей Круговерти всё спокойно уж не первый год.

Теперь настал её черёд услышать недовольное:

– Сплюнь!

– Ваша правда...

Надолго замолчав, Любомира посмотрела на стол и подхватила пряник недоеденный, произвольно смахнув крошки на пол.

– Ой.

– Уберу я, уберу, – заверила её Людмила. – Кушайте и пейте сбитень, у меня ещё есть, ежели по нраву мои угощения.

– Тогда и мне тоже подбавь, да погорячее. Люблю, чтоб аж язык щипало.

– И я, – поддакнула Снежана.

Тихонько усмехнувшись, Людмила резво встала и подхватила сразу две чашечки на блюдцах – прошла в кухню, где в полном одиночестве сидела и тихонько плакала Златояра.

– Да буде тебе убиваться, – приободрила её хозяйка дома и подошла к печи.

– Я же... я... – всхлипывала страдалница. – Чем я хуже? А? Почему она, а не я по сердцу ему пришлась?

Поджав губы, чтобы не сказануть лишнего и не усилить переживания, Людмила лишь пожала плечами, хотя правда так и вертелась в голове.

– Характер у тебя не сахар, – слышалось из комнаты честное. – Ещё кажи, сама не ведаешь.

– Это ты зря вот так прямо ей призналась, – проворчала Надежда. – Молчание – золото.

– Ага, серебро, – усмехнулась та в ответ.

– Вот и вся ваша благодарность, – фыркнула Златояра, обижаясь ещё больше.

– Да будет вам, – миролюбиво пропела Надежда. – Надо ль на ночь глядя столько болтать, а? Обиды таить тем паче.

Встав, обиженная матрона хотела уже покинуть вечерицу, но вдруг застыла, выглянув в окно. Лицо её будто искорёжило от ненависти, когда она зло бросила:

– Вон, и дружинник наш туда же, к Хироньке вашей в гости заглянул.

– И чаво, пустила его?

– А чё б не пустить, трактир чай как дом постоялый. И спаленки имеются, и скамьи в общем зале на крайний случай подойдут. Говорю я вам, хватит слухи рапускать, – попросила Надежда. – У самих как будто забот нема.

– Таки и нема, – кивнула Злата, – зато у Хироньки вашей женихов половина Круговерти.

– Так тебе и лучше буде, сыну другую невесту подыщешь.

– Если вперёд моего благословения не обвенчаются, – проворчала Яра, выйдя обратно в зал, чтобы поскорее собрать свои вещи. – Знать бы наперёд, чего удумала эта ваша Мельхиора, охмурить сына моего или же ещё какого мужика видного.

– Да хоть князя. – Любомира встала и подбоченилась. – Не тебе в это лезть. Девка она тоже не простая белоручка, а работающая. Пашет за семерых на зависть остальным.

– Дело говорит, – поддакнула Людмила осторожно. Войдя назад вместе с горячими напитками, она и не ожидала, что Златояра кинется на улицу и заденет её локоть.

– Ох! – воскликнула хозяйшка, роняя сразу обе чашки с блюдами.

Зажав ладонями рты в немом ужасе, кумушки наблюдали, как обе односельчанки по-молодецки отпрыгивают в стороны.

– Коза-дереза, – проворчала Людмила, оглядывая испачканный подол юбки. Только чудом никто не обжёгся.

– Ах так!.. – возмутилась Яра, прежде чем окончательно покинуть вечерицу.

– Зря. – Надежда вздохнула и отложила корзинку обратно на стол, чтобы пройти за веником и тряпками.

– Да оставь, сама уберу, – махнула рукой Людмила. – Как бы не натворила бед наша Яронька...

– Эта может, – согласилась Надежда.

Разговор внезапно оборвался. Никто больше не проронил ни слова, пока не пришло время прощаться и идти по домам.

Глава 3. Финт или фортель?

В тишине главного зала неожиданно прозвучало негромкое ворчание банника:

– Вот так финт...

– Пустила его на ночлег, значит? – Полудница зевнула, открывая глаза. – Неужто.

– Нет, это был фортель. – Кикимора в сердцах пнула хлебные крошки, не обращая внимания на слова бабы Фроси.

– А фортель и есть финт, – авторитетно заверил домовый, кивая своей кустистой бородой баннику.

– Разве? – вклинился в разговор Лизун.

– Точно вам говорю, – деловито надулся домовый. – Уж я знаю толк в финтах.

– Нет, это я знаю толк! – заупрямилась кикимора. Тотчас по комнате прошла чёрная рябь, а из подвала хлынули клубы плотного тумана.

– И в чём же? – миролюбиво пропела баба Фрося, разряжая обстановку.

– В фортелях, – гордо ответила кикимора, вмиг успокаиваясь.

– А в финтах?

– Тоже.

– Что тоже? – уточнил Лизун.

– Тоже знаю толк, – хмыкнула кикимора. – Я вообще толковая.

В следующий миг на её голову обрушилось целое ведро воды вместе с помоями.

– Ври больше, – хмыкнул банник, выглядывая из-за печки.

– Ах так?! – Кикимора вскинула руки, а глаза её засветились ярко-зелёным. Свечи тотчас потухли во всём доме, и снаружи послышалась громкая ругань и конное ржание.

– Доигралась.

Баба Фрося улыбнулась каким-то своим мыслям. А внутрь дома в следующий миг влетела недовольная Мельхиора. Щелчком пальцев она снова зажгла свечи по всей комнате.

– Вы, маленькие, пакостливые создания! Ну-ка живо признавайтесь, кто потушил свечи и зачем? И что это за лужа на полу?

– Это всё она. – Лизун беззастенчиво указал в сторону кикиморы, пошире улыбаясь раскрытым ртом, и передразнил голос домового: – Точно вам говорю.

– Правда? – подбоченилась ведьма. – Не врешь?

– Да куда там, – поддакнул домовый. – Она это, она, финт от фортеля отличить не смогла.

– Предатели, – фыркнула кикимора, не сильно-то отпираясь.

– Неделю проведёшь в подвале, всё ясно?

– А то что?

– А то найду твою фигурку и отправлю путешествовать по свету вместе с повозкой торговцев. Будет тебе бездомное приключение и угасание сил. Хочется?

– Неа.

Кикимора покачала головой и понуро покосилась на банника.

– Может, не надо её в подвал? – заступилась вдруг Ефросинья. – Там ведь целый мышинный выводок поселился, никакого наказания ей не будет, а, наоборот, веселье и компания.

– Предательница!

– Жалко мне их. Тебе развлечение, а им бегать и прыгать по сотворённым магией препятствиям. Знаю, как ты это умеешь. Видела и не раз.

– Ну тебя, старая.

– Решено, – вмешалась в разговор Мельхиора. – Отправлю тогда тебя на чердак.

– Э-э-э! – возмутился домовый. – Там моё жилище. Не пушу!

– Весь дом – твоё жилище, – не согласилась ведьма. – Решено. Составишь, мелкая, компанию домовому.

– Испортит ведь, – отрицательно покивала Ефросинья. – Отправь ты лучше её в колодец. Пусть пыхтит и воду подогревает заодно.

– Ага, или, наоборот, в лёд превратит, – проворчал банник.

– Точно ведь. – Мельхиора щёлкнула пальцами. – Сарай за конюшнями.

– Там подковы и прочий инструмент, не досчитаешься по утрам.

Поджав губы, ведьма замолчала и посмотрела на кикимору обвинительно. Наконец сдавшись, она строго потребовала:

– Обещай мне больше так не делать, и сковородку перевесь обратно на гвоздь, чтобы я больше не билась об неё.

– Так она и сейчас на гвозде висит, – миленько пропела кикимора, ухмыляясь.

– Не на том гвозде, на котором я вешаю ненужный мне инструмент.

– Да разве тебя поймёшь, нужный – не нужный, – насупилась кикимора. – Куда хочу, туда и вешаю.

– Поговори мне ещё, – проворчала Мельхиора, указывая пальцем в главную возмутительницу спокойствия всего трактира «Оладушки от Ладушки». – Сколько я себя помню, ты всегда была бабушкиной любимицей, но с тех пор, как её не стало, явно что-то произошло? Почему ты стала такой вредной?

– Мало ты знаешь о её проделках. – Покачала головой полудница. – Вон, полевой не даст соврать, выводок свинохрюков ловили всей округой, когда ты ещё пешком под стол ходила.

– Так это она их выпустила?

– Она-она, науськала местный выводок крыс и направила их в загон. Крысолов поздно спохватился, прибыл на место, вот только калитку за собой не закрыл. Эти визжащие косматые комочки грязи и вырвались наружу. Переполошили весь люд честной. Ладушке нашей тоже неплохо досталось. Под страхом наказания приказали, чтобы лучше следила за придомовой живностью своей.

– Ну, было дело, – усмехнулась кикимора. – Не со зла, а так, покарать рожу одну до боли наглуую.

– Кого покарать?

– Так крысолова и наказать, – поддакнул Лизун. – Он всех друзей нашей кикиморы в округе переловил или распугал. Убежали к лешему уж наверняка.

– К какому лешему? – не поняла Мельхиора. – На болота, что ли? Крысы?

Но услышать ответ ей не довелось.

– Эй, хозяйшка! – послышалось снаружи кряхтение конюха.

– Ох, точно ведь, – опомнившись, ведьма поспешила снова на кухню, чтобы взять чистое полотенце.

– Я вхожу.

На пороге, притопывая, тотчас показался работник конюшего двора, Евсей Иванович.

– Ох уж эти свечки, – проворчал он, заглядывая внутрь, подслеповато шурясь.

На его покатам лбу аккурат посередине красовалась внушительных размеров шишка, очертаниями напоминающая ярко красный полумесяц.

Смочив салфетку холодной водой, Мельхиора подала её Ивановичу и помогла ему усесться на скамью возле входа. Его кустистые седые брови сошлись на переносице. Худой, косматый, он был в серой косоворотке и штанах. Пояс его был повязан чуть ниже небольшого брюшка.

– Ну как вы, голубчик. Живой, голова раскалывается?

– Да, бывало и лучше, – отвечивал тот, прикрыв глаза от боли. – Но сам виноват, дурак старый, не спалось мне. Душа была не на месте. Вот и полез по темени проверять подковы

у пегаса твоего, а тут свет потух во всём доме и даже во дворе. И будто темнота хлынула из колодца. Я-то перекрестился, на всякий случай, чтобы карачун миновал и не забрал меня с собою вдруг. Годиков-то поди уже много и всякое могло со мной приключиться. Вот только одно я и не учёл, конь дружинника взбрыкнул, начал копытом бить, фыркать. Я, дурак старый, полез его успокаивать. А там и ты выглянула ко мне.

– И услышала уже громкий всхлип, – вздохнула Мельхиора, недовольно взирая на лужу в центре помещения.

– Ой, а что енто тут у вас? – спросил конюх. – Неужто лужа и объедки со стола?

– Да, мелочь всякая шалит, – отмахнулась ведьма. Одним лишь взглядом готовая заморозить воду в чаше.

– Холуи уже по домам, али я не прав?

– Гости у меня, дружинник, сам ведь прознал и вышел на коня поглядеть.

– Так-то не мелочь, а детина, аки богатырь, молодец-удалец, многим женщинам красавец, – усмехнулся Евсей.

– Красавец-то, красавец, вот только с вестями плохими ко мне прибыл. Не знаю теперь, как быть.

– И чаво это?

– А ничего. Спать пора. Утром хорошие дела делаются. Пойдём-ка помогу тебе добраться до хором твоих знатных, и сама на боковую отправлюсь.

– Тут ты права, Хира, лапушка, – согласился Иванович, но тотчас опомнился. – Да конь же в стойле. Накормить и напоить я ещё не успел его.

– Идём-идём, сегодня я сама управлюсь, а завтра уж ты, как оклемаешься, займёшься и моей Крылатушкой и его боевым товарищем ретивым.

– Хиронька? – Зычный голос дружинника прозвучал сверху. – Если надобно, Булатом моим я и сам займусь, коли такая оказия приключилась.

– Будь добр. Мочёное зерно в ведре ещё должно остаться и колодец во дворе, коли воды в корыто надо набрать. – Ведьма кивнула постояльцу, а конюх тотчас ухватился за подставленный локоть и с большим удовольствием приобнял хозяйку за руку. Едва сделав шаг, она остановилась и многозначительно посмотрела по сторонам: – А мне тогда останется только баню сжечь, чтобы лужа в центре комнаты исчезла к моему возвращению.

Не дожидаясь ответа озадаченного дружинника, она вывела Евсея Ивановича наружу в другую дверь, ведущую в конюшенный двор. А нечисть домовая ворчливо принялась решать, кому исправлять проделки банника. С перевесом в три очка победила кикимора, предложив оставить всё на своих местах.

Глава 4 Кут-куа!

Позднее утро, или скорее ранний полдень в окраинном эльфийском городе Галансисе было сегодня оживлённее обычного. Турнир сильнейших магов должен был вот-вот начаться, однако главный оратор тянул время, не отдавая приказа на старт соревнования.

Участники все, как один, будучи в доспехах или лёгких латах, а кто-то в мантии или хламиде, стояли и с нетерпением дожидались, когда же заслонка высокой магометаллической клетки воинственных диких птицухов наконец будет поднята.

Как вдруг в небе показалась маленькая точка, которая быстро увеличивалась в размерах. То был представитель правящей династии из царства дроу, великий и временами коварный и ужасный дознаватель по имени Крэйн Шжи.

Его чёрный пегас, будто хищная птица, стремглав спикировал в центр арены и за малым остановился перед одиноко стоящей ведьмочкой, задумчиво попирающей стену арены. Высокий силуэт смазанной тенью скользнул на песок, опережая сопровождающий это действие бряцающий звук.

– Вот ты где, – процедил сквозь зубы дознаватель, оглядывая русую человеческую ведьму в приталенном чёрном узком платье с длинным разрезом по левой ноге.

– Сколько лет? – усмехнулась Сребрена, и не подумав менять человеческое наречие в разговоре.

– Двадцать две зимы, – подсказал тот, поджав губы. – Уговора такого не было. Ты меня обманула!

– Обстоятельства изменились, – пожалла плечами ведьма, выглядывая из-за спины гостя в сторону сидящих на верхнем уровне арены судей. – Сколько ещё ждать начала?

– В этот раз турнир был отложен до прибытия всех участников, – величественно прокричал оратор, намеренно растягивая слова. – Господин Крэйн, уберите ездовое средство в загон, и мы начинаем.

Обиженно сощурившись на дроу, Сребрена поймала его торжествующий едкий взгляд.

– Ты решил самолично мне помешать?

– У меня был выбор? – надменно изогнул брови дознаватель. В следующий миг он прищёлкнул языком, чтобы отдать приказ крайне смышлёному ездовому животному. – Далеко не улетай. Я тебя вызову.

Довольно заржав, пегас вначале встал на дыбы и махнул передними копытами, прежде чем пустить в ход крылья. Сильный ураганный ветер, смешанный с пылью и песком, заставил одну очаровательную ведьмочку недовольно поморщиться и закрыть глаза. Дроу этим воспользовался и склонился, нависая над ней, чтобы шепнуть недовольно:

– Когда ты собиралась мне сказать, что у нас есть дочь?

Усмехнувшись, ведьма ничего не ответила и шагнула в сторону, чтобы тотчас устремиться по песку в центр собравшейся на арене толпы.

– Ты не ответила, – нагнал её бывший любовник, пытаясь остановить за руку. Но ведьма ловко увернулась и пошла дальше.

– Кто сказал такую глупость? – пожалла плечами она. – И вообще, с каких пор ты стал интересоваться?

Ответа она не услышала, потому что в следующий миг затрубил гномий рог и послышались громкие фанфары.

– Маги и магиссы, дамы и господа! – начал ораторствовать высокий худой эльф, окидывая надменным взором стоящих на арене. Его белоснежная кожа, казалось, поблёскивала в солнечных ярких лучах. Магия так и плескалась в его глазах, придавая им молочно-синий

оттенков. В заострённых кверху ушах висели по пять серёжек разной величины – признак принадлежности знатному роду.

– Напоминаю, в этом году мы усложнили испытание и добавили два новых состязания. Но общее время проведения соревнований осталось прежним. По истечению декады мы выберем победителя, или же приз и титул Чемпиона останется дожидаться своего владельца ещё на один год.

– Зачем ты мне мешаешь? – прошипела Сребрена, вырывая руку из стальных тисков Крэйна. – Было и было. Я уже и знать забыла обо всём, но только ты продолжаешь слать мне требовательные письма.

– Я хотел встретиться и поговорить, – недовольно проворчал дроу, вынуждено выпуская одну вредную ведьму из рук. – Что сложного, прибыть ко мне в Кхуге?

– Всё! – недовольно огрызнулась Сребрена, вновь и вновь стараясь набрать между ними дистанцию. – Отойди. Птицухи и без того очень агрессивные и, судя по всему, ещё и изрядно разозлённые. Мне нужно пространство для манёвра, а ты мне будешь только мешать.

– Может быть, это и есть моя цель? – пожал плечами дроу, однако просьбе внял, отступив на шаг назад. – И если ты не согласишься со мной переговорить после состязания, я продолжу тебе мешать до тех пор, пока меня не удостоят этой чести.

– Ты как всегда, вредный, заносчивый, – фыркнула ведьма, – одним словом Крэйн.

– Хочешь, чтобы я подписал прошение о твоём аресте?

– Так ты знаешь? – изумилась Сребрена, на миг застыв на месте.

– Нет, – зло изогнул брови дроу. – Но догадывался, что ты не спроста сбежала из нашего города так скоро. Добилась своего? М?

– Это не твоё дело!

Дрожь земли и громкое кудахтанье заставило спорщиков замолчать. Металлическая решётка под действием магии медленно ползла вверх, открывая взору целую стаю громадных двуногих птиц, топчущих всё на своём пути.

– Куа-а-а-а! – взревел явно вожак, прицеливаясь взглядом в толпу. – Кут-куа!

– Не помнишь, их надо оседлать? Поймать? Или нашинковать в салат? – надменно уточнил дроу. Теперь весь его интерес был прикован к одной из птиц, вышедшей первой из высокого загона.

– А это уже сам решай, – не стала помогать ему ведьма. Как вдруг стая замахала короткими крылышками и дружно подпрыгнула – стены арены содрогнулись, а многие из участников попадали на колени, а кто и вовсе на спину, не устояв на месте.

Дроу ловко сбалансировал, вновь выпрямляясь. Сребрена предвидела этот шаг и тоже подпрыгнула в воздух, опережая ударную волну. Будучи человеком, она не могла похвастать большим магическим запасом, или феноменальной выносливостью тёмных эльфов, однако у неё имелась отличная смекалка и житейская хитрость, которыми она охотно пользовалась, когда ввязывалась во всяческие рискованные авантюры.

Будучи неугомонной и любознательной от природы, она не могла долго сидеть на месте и постоянно искала приключений, если они сами её не находили, как и случилось в этот столь неподходящий момент.

– Я забыл спросить, – услышала она дроу. Тот уверенной походкой прошёл вперёд и обнажил узкие короткие клинки. – Зачем тебе новое звание?

– Нет-нет, оружие и физические атаки запрещены! – вскричал оратор, вскакивая с места. – Это магический турнир, господин Крэйн.

– Ответьте мне! – крикнул он. – Что нужно сделать с этими птицами?

– Их нужно приручить, – послышалось позади недовольное ворчание ведьмы. – Ты точно понял, куда попал?

– Я точно знаю, зачем здесь нахожусь. Остальное не столь важно.

По его лицу скользнула зловещая ухмылка.

– Тогда поспешу тебя разочаровать, вон те три голодные самки смотрят прямо на тебя, и мешать их предпочтениям я не намерена.

– Убью любого, кто хоть пальцем тебя тронет, – фыркнул дознаватель, убирая клинки обратно в потайные карманы чёрного нагрудного доспеха.

Сребрена не стала развивать разговор, а вновь предприняла попытку отойти подальше от одного настырного индивида, желающего жить-не-быть получить все ответы прямо здесь и сейчас и ни секундой позже.

Заметив подобный манёвр, Крэйн плавно двинулся в ту же сторону, не сводя глаз с роко-чущих и щёлкающих клювами птицухов.

Схватка между вышедшими из клеток монстрами и участниками состязания должна была вот-вот начаться. Поднявшись на ноги, маги и колдуньи вновь были в игре и недовольно потирали ушибленные части тела.

– Далеко собралась? – миролюбиво уточнил дознаватель, безошибочно определяя расположение ведьмы благодаря феноминальному слуху дроу. – Я всё равно не отстану.

– Мне нужно в ту сторону, – вздохнула Сребрена, указывая в сторону висящего на стене магического камня – одного из двенадцати светильников, висящих равноудалённо друг от друга по кругу.

– Что ты собираешься делать?

– Не-ска-жу, – по слогам произнесла одна вредная ведьма.

– Тогда я тебе помешаю.

– А я снова исчезну из города, – пожалала плечами она, – или есть другой выбор.

– Какой?

– Не мешать мне, и быть может, я тебя выслушаю.

– Но ты ведь не ответишь на мои вопросы, да? – хмыкнул дознаватель. – Знаю я этот манёвр. Послушаешь, развернёшься и уйдёшь по делам, мол, уговор был только выслушать.

– Никак тебя не провести, – вздохнула Сребрена и тотчас воскликнула: – О! Бегут к нам!

Вопреки сказанному развёрнутые в их сторону птицухи топтались на месте, и только головы их покачивались в рваном ритме, однако громкий человеческий крик явно привлёк излишнее внимание.

– Кут-ку-а-а-а! – взревела одна самка и ринулась вперёд, заставляя песок под её мощными лапами дрожать и клубиться пыльным облачком. – Кут-кут! – орала она.

– На краю арены она не сможет нас затоптать и начнёт клевать головой, позволь ей это! – Сребрена постаралась перекрыть поднятый шум и гвалт. Двое других птицух тоже решили последовать примеру первой.

– Хочешь, чтобы она клюнула стену?

– Дезориентация, да! – нехотя призналась ведьма. – Одна из них – моя, а две другие, выбирай любую, какую хочешь.

– Вот уж не думал, – проворчал дроу, – что позволю двум тупым курицам увязаться за мно... – не успел он договорить, как вдруг был вынужден уворачиваться от стремительной атаки острого зубастого клюва. Кувырок, один, другой, третий, и дроу вновь встал на ноги, по привычке собираясь достать клинки, чтобы защититься от когтей гигантской птицы, пожелавшей его вначале затоптать.

– Они плотоядные, чтобы ты знал, – прозвучало издалека.

Сребрена, пользуясь неплохим отвлечением всех трёх претенденток на оседлание с последующим приручением, призвала магическое лассо, – лёгкий в использовании навык, не требующий больших затрат маны. Вот только применила его в другую сторону, сузив удавку в маленький кружок.

– Ну, давай, – фыркнула она, глядя на то, как магический камень, вставленный в стену, не поддался. Удавка только и смогла облепить его грани и натянуться до жжения в кончиках пальцев призывающей руки.

– Заставь их удариться о стену! – приказала ведьма своему сообщнику. А тот будто и не услышал. Словно игрался со всеми тремя монстрами, в последний момент ускользая из-под атаки.

Столпившись в одном месте птицухи попросту мешали друг другу и в следующий миг и вовсе изменили цели. Одна приподнятая лапа толкнула соседку, и та, с лёгкостью завалилась на бок и недовольно заверещала, щёлкая клювом. Её длинная шея всё ещё позволяла принимать участие в общей сваре. Вот только вместо того, чтобы атаковать Крэйна, настырная птица предпочла отомстить обидчице. Стала остервенело выдирать ярко голубые перья у конкурентки.

– Да нет же, – проворчала Сребрена, досадливо подёргивая лассо. – Я не об этом просила! Тёмный эльф словно только-только её услышал.

– Чтобы о чём-то просить, – он делал вид, будто вовсе не запыхался, однако его растрёпанный вид говорил сам за себя, – нужно предложить что-нибудь стоящее взамен.

Призвав магический кнут, Крэйн поступил иначе, замахнулся и обвил им тонкие ноги второй птицухи и резко дёрнул на себя. Потеряв равновесие соперница повалилась вниз, а её сизые крылья взметнулись в разные стороны. Однако попытка сбалансировать успехом не увенчалась.

Но тут третья противница изволила клюнуть тёмного эльфа, и ведьма даже успела испугаться за его здравие. Но оказалось, всё было продумано до мелочей. Исчезнув на месте в последний момент, тот смазанным движением, словно чёрной кляксой, сменил местоположение, оседлав птицуху в один лишь миг.

– И? – хмыкнул он, поудобнее усаживаясь на пернатом туловище. Сразу два магических лассо помогли ему заткнуть птицу, стянув её клюв золотистой петлёй вначале одной, затем и второй. – А дальше что?

Удивившись сноровкой приятеля, ведьма тоже время зря не теряла, выбрала себе ту, которая валялась на песке. Соорудила похожую уздечку и стала ждать, не спешила садиться на спину, так как во время подъёма птицухи обычно мотают крыльями и покачиваются из стороны в сторону.

Но вот момент настал, подобрав под себя лапы, пленённый монстр мотнул головой, чтобы освободиться, но это у него не вышло.

– Забирайся! – скомандовал Крэйн. Его «курочка» недовольно вытаращила глаза и лишь мотнула головой, пытаясь освободить клюв.

– Сейчас! – вскричала ведьма, с разгона запрыгивая на спину самки птицухов. Третья же противница, сделав правильные выводы, осталась барахтаться в песке, будто иное её вовсе не интересовало.

– Итак мы видим двух фаворитов сегодняшнего соревнования! – довольно воскликнул оратор, перебивая ор сидящих на трибунах. – Какое представление! Какая грация!

– Напомни, нанести ему визит после всего, – проворчал Крэйн, не поднимая головы к зрителям. – Покажу ему грацию как следует.

– Ещё не всё, – отмахнулась ведьма, – когда птицухи опомнятся, они попытаются нас скинуть, и будут носиться как...

Вместо крика, дикая птица, которая тотчас попыталась скинуть наездника, не желая становиться ездовой, взмахнула один раз крыльями и качнула туловищем несколько раз. Однако Сребрена сидела уверенно, и не думая сдаваться. Другая, осёдланная Крэйном, понеслась во весь опор, словно за ней гналась целая стая призрачных гончих.

Несмотря на то, что они разделились друг с другом, они несколько раз за всё время птичьих гонок пересеклись, когда обе птицухи пробежали рядом друг с другом. Но чаще всего попросту нарезали круги по арене, будто бежали спринт, каждый в своём направлении.

Четверть часа спустя, когда обе птицы одновременно выдохлись и склонили головы, подчиняясь новому хозяину или хозяйке, оратор объявил о первых двух победителях. Они оба получают одинаковое количество очков. Остальные же участники по-прежнему находились в процессе оседлания или же усмирения настырных диких птиц, неспроста не используемых в качестве ездовых из-за крайне сложного характера.

Глава 5. Не к добру

Стол Хатмира-мурзы ломился от яств. Жена его, казалось, целыми днями только и делала, что стряпала и пекла, дабы поспевать за прожорливым аппетитом супруга. Вот только ему было всего мало. Изрядно чавкая, он и не замечал никого до тех пор, пока тарелка перед глазами его не опустела в очередной раз.

Подняв взгляд, мурза наконец заметил сына Емельяна в епанче. Показавшись в сенях, тот прошёл вглубь дома, не разуваясь.

– Ну? – спросил его родитель, примеряясь взглядом к стопочке оладий. Рядом, как и положено, стояла чашка со сметаной и блюдо с ежевичным вареньем.

– Дело сделано, – кивнул сынуля, вылитый отец, если не считать возраста и морщин на лице.

Рыжий, бородатый, коренастый. Он был низкого роста, как и полагалось дворфам-полукровкам.

– Сколько?

– Всю телегу увели.

– М?! – возмутился отец, бросив многозначительный взгляд к занавесям кухни. – Совсем сдурел?

– Ну это же... – не понял его сын. – Всё как оговорено, телегу затопили. Конюх в город уедет на годик и в деревеньку носу не покажет.

– Таки и не кажет, – сощурился Хатмир. – А мешки с дырками?

– Кинул в клетку к крысам, – кивнул детина, ухмыляясь. – Всё чин чином.

– Дам тебе чин чином! А если сожрут и дырок не оставят?

– Так я ж поглядывать буду, спущусь в подвал попозжа, проведаю, чаво да как, – пожал плечами Емельян. – Иначе поймут же ж, ежели руками порву – сам дыры наделаю.

– Больно им надо мешки глядеть. Дело их – золотишко на дороге искать. Так и чаво? Припрятал десяток монеток?

Звонко почесав затылок, сын ответил не сразу.

– Ну? Говори же, не молчи! – приказал родитель.

– О, сыночек? – с кухни показалась супружница Хатмир Мурзы. – Не стой столбом. Разувайся, раздевайся и давай завтракать. Оладьи стынут.

– Это я с радостью. – Емельян потёр ладони друг об друга. Однако отец тотчас добавил веское к сказанному.

– Какие яства, пока дело не сделано?

– Восемь кругляшей оставил, десять – больно много, – признался сынишка.

Поджав губы, отец кивнул супруге, предлагая и далее скрыться на кухне.

– Иди-иди, красавишна, разговор будет у нас не для лишних ушей.

Охотно кивнув, она с изрядным подбострастием вновь спряталась в соседней комнатке, где и проводила большую часть времени, не считая то время, когда её подменяли соседки, отрабатывающие кабалу у известного на всю округу ростовщика. Да что уж говорить, она и сама была сосватана мурзе за круглую сумму денег.

– Так это, где ж взять ещё две монеты, ежели я их конюху отдал на пропитание.

Фыркнув, Хатмир чудом не подавился, проглотил оладушек, почти не жуя.

– Я подкинул ему деньжат на первое время, и твоё вмешательство не требовалось.

– Кто ж знал, – пожал плечами сын. – Я ж хотел как лучше.

– Лучше он хотел! – громко проворчал отец. Взяв в руки оладушек, он поочерёдно макнул его в сметану и варенье, прежде чем вновь отправить лакомство в рот. – У Ладушки вкуснее были...

– Мне сходить к Хироньке нашей? – ухмыльнулся Емельян, поняв слова отца на свой манер. – Оладьев попросить испечь?

– Да буде нам оладьи, – хмыкнул отец. – Не до них сейчас. Надо думать, как отвадить людей князя, как приедут и начнут выспрашивать.

– И что ж делать-то? – округлил глаза сын. – Вернуться на тракт? Так воевода уже здесь, в деревеньке.

Прожевав оладушек, мурза отпил остывшего чаю из блюда и только после разжился идеей.

– А пусть оно идёт всё своим чередом. Поздно уже что-то исправлять. Гляди только, чтобы мешки погрызли, но не сожрали. А там и выпустишь крыс к Мельхиоре в подвал, ежели надобно буде.

Помотав головой, будто не согласен, сын, однако, ничего не сказал, развернулся и отправился прочь из дому, пережидать, пока у отца настроение не подымится и пока он не пустит сына за стол, позавтракать или уже пообедать. А до тех пор можно и к Хироньке сходить, якобы поработать, дабы время убить и обстановку выведать.

Вот только, едва Емельян вышел из дому, чёрная кошка шмыгнула прямо перед его носом, перебегая тропку к соседнему дому. Не к добру.

Быстро передумав, сын Хатмира-мурзы развернулся на пятках и зашёл в дом, пожелав лучше помочь матушке на кухне, если уж приметы заставили его сделать так. Вот только не знал он, что причиной тому послужили утренние догонялки между домовым и чёрной уличной кошкой, Маруськой, которая то и дело норвила забраться в подвал, дабы распугать целый выводок крыс, неспроста пойманных в деревянный ящик.

Глава 6. Ну-ка брысь!

Мельхиора

– Те, кто ничего не делает, всегда будут завидовать тем, кто делает хоть что-то, – услышала я разговор бабы Фроси и Лизуна. – Попомни мои слова, ползет к Хироньке с упрёками, ежели совсем невмочь станет.

Вздыхнув, я громко зевнула, чтобы меня услышали и перестали обсуждать за спиной. Подумаешь, великое дело, бабушкин трактир содержу да оладушки стряпаю.

– О, проснулась, – поприветствовал меня домовой, появившись возле входа в первую кладовую. – Тут довеча к нам весточку Маруська принесла...

– Потом весточка, – отмахнулась я, не зная никакую-такую Марусю. И вечно домочадцы любят имена коверкать. Вроде бы и нет среди жителей нашей Круговерти никого с таким именем. Или же они про нашу Марию пряху в пятом поколении? Так она вроде молчалива и нелюдима, живёт на отшибе в своём домике, редко из дому выбирается за дровами в перелесок прогуляться. Да ходят к ней внуки воды набрать или по дому помочь.

– Как знаешь... – пожал плечами лохматый домашний житель, ростом мне по колено. Щелкнув пальцами, он тотчас исчез.

– Ты с кем это там? – послышался зычный голос издалека. Дружинник, надо отдать ему должное, был могучим мужиком, затопал по лестнице, как целое войско. – Помочь чем?

Чудом с потолка опилки не посыпались из-за поднявшегося шума.

– Сейчас тесто поставлю да завтрак сделаю, – ответила ему, когда показался в дверном проёме кухни, – да к деду Евсею надо бы заглянуть, проведать, как он – оклемался?

– Сделаю, – сказал Володя серьёзно, сдвинув брови к переносице. – Совсем не боишься гнева княжьего поди?

– Чего бояться-то? – пожала плечами я. – Если дано случиться, сбудется. А не дано, так и зачем страху нагонять понапрасну?

– И то верно, – вздохнул Всеволод Ростиславович. – Коня я напоил, Крылатушку твою проведаль. Могучая зверина, на зависть врагам. Чуть меня не укусила, едва я ей морковку протянул из корыта.

– Это лакомства для лошадей, – усмехнулась я. – Моя девочка любит исключительно овёс, сено и яблоки. Морковка её сильно обижает. Может и лягнуть, фыркнуть или же укусить хорошенько.

– Буду знать, – кивнул дружинник. Звонко почесав вихрастый затылок, он обернулся ко мне спиной и отправился к боковому выходу на постоянный двор. – Пойду-ка вину заглаживать, а заодно конюха проведу.

– Как знаешь.

Не буду же я ему указывать, в самом деле? Хочет, пусть пробует найти общий язык с моей Крылатушкой. А ежели лягнёт она его, то не моя вина. Я своё дело сделала – предупредила. К тому же яблок в конюшенке уже нет. Евсей все скормил, чтобы не кусала его моя строптивица любимая. Мамин подарок на ведовской праздник.

Вздыхнула и быстро опомнилась.

Сходила в холодный угол и первым делом помыла руки и вытерла о чистый рушник. Сняв с гвоздя фартук и нарукавники, облачилась в рабочий наряд и приступила к первому просеиванию муки из мешка в деревянную чашку, чтобы оладушки получились воздушнее и без комочков.

– Говорю я вам, не заметила она, – якобы шёпотом произнесла кикимора, но я всё равно её услышала и довольно отчётливо. – Права я оказалась.

– Так ты зенки-то раскрой, прежде чем языком молоть. Убрали енту лужу-то.

– Как убрали? – прозвучали скрипы отодвигаемой лавки. – Крохи хлебные на месте.

– Полевой над Хиронькой сжалился. Ему пальцем махнуть, чтобы очистки в дырку скинуть, что в полу вон в том углу, да пару раз дунуть на место, сырость просушить. А крохи, видать, он твои не тронул.

Понятно, значит, холуям будет новая работёнка в подвале на сегодня и в зале – тоже.

Вот уж помогли, сор с места на место смели – справились с задачей. Так, яиц должно хватить, в курятник не пойду. Не сейчас.

Топот на пороге подсказал, вот и Тимошка и Лучезар пришли, видать.

– Хозяюшка, – услышала я с порога юношеские голоса. Братцы – дети соседки Людмилы, приходили ко мне на заработки. Четвертак от сребрика на двоих я могла себе позволить, тем паче уборки в трактире – непочатый край.

– Вы это, переобувайтесь, – крикнула я с места. Пока руки чистые, тесто поставлю подниматься. – Приберитесь пока в зале, да ведро помоев в подвале по полу раскидано, почему – не спрашивайте.

– Опять нечисть лютует, – проворчал Лучезар, тотчас послышались скрипы и шорохи.

– Тише, не накличь беду, – шикнул на него Тимошка. Молодец, смышлёный малый. К тому же, наученный жизнью. Было время, кикимора его тоже доставала. Пока я ей не пригрозила на свой страх и риск. Своевольная и злопамятная, она вернула мне это сторицей.

Ну а я хоть помогла, холуёв нечисть не спугнула – уже хлеб.

– После надо бы в курятник сходить, зерно в кормушку подсыпать.

– Да, хозяйюшка, – ответил Тимошка.

Тотчас послышались громкие скрипы. Братья стали сдвигать мебель в один угол, чтобы как следует подмести пол, а не только обмести крупный сор. Умные, смышлёные, они очень мне помогали в уборке и по хозяйству, конюх их тоже гонял с заданиями, воды из колодца набрать, лошадей постояльцев напоить. В общем, свой хлеб они отработывали сторицей.

– Сколько ещё нам терпеть богатыря аки молодца?

Кикимора вдруг появилась прямо предо мной, чем и напугала.

– Ну-ка брысь! – фыркнула в ответ, едва справилась с первым ошеломлением. Рука моя дрогнула, и я просыпала муки мимо чашки на стол и на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.